

УДК 821.161.1

DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-27-34

Зависть и Гордость как политические термины в русской литературе эпохи Петра I

Михаил П. Одесский

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, modessky@mail.ru*

Аннотация: Автор анализирует случаи функционирования «повседневных» слов как политических терминов. Материал исследования – панегирическая русская литература эпохи Петра I. В статье показано, что для создателей панегирических школьных драм и проповедей слова «зависть» и «гордость» превратились в обозначение враждебных России держав.

Ключевые слова: зависть, гордость, политическая терминология, школьная драма, проповедь, эпоха Петра I

Для цитирования: Одесский М.П. Зависть и Гордость как политические термины в русской литературе эпохи Петра I // Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение». 2018. № 6 (39). С. 27–34. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-27-34

Envy and Pride as political terms in Russian literature in Peter the Great's epoch

Mikhail P. Odesskii

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
modessky@mail.ru*

Abstract: The article analyzes cases of “everyday” words functioning as political terms. Data for his study he takes from panegyric Russian literature in Peter the Great's epoch. It is shown in this article that authors of panegyric school dramas and sermons used words “envy” and “pride” to denote hostile to Russia nations.

Keywords: envy, pride, political terms, school drama, sermon, Peter the Great's epoch

For citation: Odesskii MP. Envy and Pride as political terms in Russian literature in Peter the Great's epoch. *RSUH/ RGGU Bulletin. "History. Philology. Cultural Studies. Oriental Studies" Series.* 2018;6(39):27-34. DOI: 10.28995/2073-6355-2018-6-27-34

Соотношение «исторического» и «повседневного» эффективно анализируется, когда в источнике, который предназначен для фиксации «повседневного» (дневники и т. п.), обнаруживают также «историческое», преломленное через призму приватной жизни. Но не менее увлекательны обратные случаи, когда в источнике, ориентированном на «историческое», функционируют слова, интерпретация которых позволяет прикоснуться к «повседневности».

В качестве такого случая в статье рассматривается одна из панегирических пьес московской Славяно-греко-латинской академии, которые при царе Петре интенсивно использовались для пропагандистского освещения хода Северной войны [1 с. 54–55]. Пьеса «Божие уничижение гордых уничижение» (февраль 1710 г.) – последняя в череде московских драматических панегириков: подгадали ее к торжествам, приуроченным к грандиозной полтавской «виктории».

Постановки Славяно-греко-латинской академии обыкновенно сопровождались подробными программками, которые отдавались в печать и тем самым приравнивались к таким панегирическим формам внешне- и внутриполитических успехов Петра I, как переводы, учебники, указы и т. п. [2 с. 503]. Очевидно, правительство было заинтересовано не столько в зрелище, сколько в печатном распространении его пропагандистского смысла, придавая программе большее общественное значение, чем постановке. Это относится и к пьесе «Божие уничижение», которая сохранилась в формате не полного текста, а только программки.

«Божие уничижение», как и предыдущие драматические панегирики Академии («Царство мира», «Торжество мира православного», «Ревность православия», «Свобождение Ливонии и Ингерманландии»), построена на основе Библии. Пьеса состоит из двух Частей (Действий): в первой показаны подвиги юного Давида, во второй – его борьба с мятежным сыном Авесаломом.

В I Части Гордость иноплеменника, явившись на Льве венчанном, поносит Израиль и хвалится могуществом богатыря Голиафа, однако Орел Российский с Помощью Божию «Лву ногу хрому творит» [2 с. 230]. Гордость – уже на охромевшем Льве – продолжает борьбу. Тогда «Царство израильтеско, знаменующее российско», выставляет против Голиафа юного Давида: «Является Голиаф, по-прежнему

взывая на поединок борца, Давид же к нему с Помощию и Крепостию Божиею приходит, камнем убивает и главу мечем его отсекает...» [2 с. 231]. Давид справляет триумф, «над нимже Слава на Орле Российском со трубою, девы же с тимпаны и гуслиями сретают его, поюще песни торжественныя» [2 с. 232]. Тем временем Саул, неправедный царь Израиля, «казнен от Бога»: он побежден иноплемениками и совершает тяжкий грех самоубийства, – а героическому Давиду «Сила с небес всемогущая вручает Царство израилево», «венчает его венцем» и обещает с «ним всегда быти» [2 с. 232].

Во II части Давид выступает как царь и отец взрослого сына. В начале пьесы он «тешится в роще, идеже через умбры орел российский купно с Помощию Божиею Льва хрома со лвяты ловит и лвята половил пособием Божиим. Лев же хром беже» [2 с. 234]. Это – показанное при помощи театра теней сражение у Переволочны, где после Полтавы шведская армия была добита, но Карлу XII удалось бежать в Турцию. Потом сын царя Авесалом, подушаемый бесом (1 Явление) и собственными страстями (4 Явление), поднимает мятеж против отца. Понятно, бунтовщики разгромлены, а царевич – вопреки воле милостивого отца – погибает. В последнем 22 Явлении подводится итог. Аллегорические фигуры во главе с Судом Божиим «глаголют во обществе, яко Бог гордым уничижителем и неблагодарным власти своей противником всегда противится», потом явлен Орел Российский, «в единой нозе мечь, а в другой же различна знаменья началств» [2 с. 238].

Обе Части предваряются эмблематическими сценами. Перед I Частью: гордого льва поражает Сампсон; вавилонский царь Навуходоносор наказан за гордость и превращен в вола; столп, «свейскаго воинства силу изъявляющий» и украшенный горделивой надписью «стою непобедимый, крепок, неподвижимъ» – «от Полонии, Литвани и Саксонии» не поколебленный (аллюзия на поражения, ранее понесенные русским союзником Августом II Сильным), а «от Российския монархии пособием Божиим пад сокрушися» [2 с. 228–229]. Перед II Частью: Люцифер падает с небес, возглашая «Тако властем противящиися погибают»; Корей, Дафан и Авирон «со своими за сопротивление Моисею живы землею пожренны»; аллегорические фигуры «Свеция хрома с надписанием (Карл XII. – М. О.) и Измена (Мазепа. – М. О.) вкупе и лезут на престол высок, Орла российска над собою имущ, ихже от престола Орел громом прогоняет и со студом бежащих творит <...> Свеция надпись: помощию измены. Орла надпись: хрому хромая помощь» [2 с. 233]. То есть в обоих эмблематических прологах два библейских и один актуально-аллегорический эпизод иллюстрируют «уничтожение» гордых и тех,

кто восстает против праведной власти, выявляя направленность пьесы на поношение двух основных врагов царя Петра – шведского короля-агрессора и мятежника-гетмана.

Пьесу «Божие уничижение» открывает пролог-«предидействие», где говорится:

Предидействия <...> зде полагаются ради явственнейшаго изображения хотящаго быти в самом действе дела, с нынешним торжеством согласующаяся; в самом же действии аще, что мнится быти и несогласно с торжеством нынешним, да не удивишися, образ бо или подобие с самым делом не во всем согласует. <...> Зде бо положено иное ради нынешния победы, иное ради истории (Библии. – М. О.), аще и не ко всему нынешнему делу <...> подобной, и того ради да большее будет согласие с победою и изменою сравнение; до истории иное прибавлено, иное убавлено, иное же в ней отменено, нужда бо не токмо историю, но и закон изменяет [2 с. 229].

И далее Предидействие дает политический ключ к системе персонажей пьесы:

Равенства убо зде несть, сравнение же в некаких вещах сие есть: царство ираильско со своими во смиреннии и терпении царству российскому, гордый же Голиаф со своими в гордости и поношении силе воинства свейскаго уподобляется. Саул в первой части в двух явлениях, завидяй Давиду, положен и ради истории и ради изображения зависти от многих чуждых стран о преславной победе нынешней. Давид, единого Голиафа со своими убивый, Льва же токмо хрома сотворивый и прогнавый, с царским величеством сравняется. Авесалом отцу в сопротивлении с самым изменником, проклятым Мазепою... [2 с. 229].

В Библии пастух-Давид защищает стада от львов и сражается с ними (1 Цар. 17: 34–36), но хромыми не делает. Проницательный читатель (и зритель) догадается, что хромота Льва, геральдического знака Швеции, и самой Швеции – конкретная аллюзия на Карла XII, который был ранен в ногу накануне Полтавской битвы и потом бежал, оставив армию на милость победителя. Хромой Лев влечет Авесалома в роковое сражение с царем Давидом и после разгрома снова «беже» – подобно шведскому королю, который соблазнил гетмана И.С. Мазепу бунтовать против царя, а сам бежал. Царевич Авесалом – не столько библейский персонаж, сколько обозначение Мазепы, поднявшегося против законного царя, почти отца.

Заглавие пьесы – «Божие уничижителей гордых уничижение» – содержит краткую формулу основной идеи полтавской пьесы: наказание гордых и торжество смиренных. Санкционировал пропагандистскую актуализацию мотива наказания гордых сам царь Петр. В «Гистории Свейской войны» описание Полтавской «виктории» венчалось выводом: «И тако милостию Всевышшаго совершенная виктория (которой подобной мало слыхано), с легким трудом и малою кровию против гордого неприятеля чрез его царского величества персональной, храброй и мудрой привод и храбрость начальных и салдат одержана» [3 с. 162]. А потому в «Божием уничижении» оказывается востребованным «смиренный» [2 с. 228] герой – библейский Давид, победитель гордого Голиафа.

Аналогично, горд хромой Лев. Он постоянно является в пьесе с надписями: «горд есмь, ибо непобедимый» [2 с. 228], «кто яко аз» [2 с. 230], «ругаю», «мое еже ругати» [2 с. 230], «хром, но лют», «смирися до зела» [2 с. 231], «изменою изменяюся», «изменою погибаю» [2 с. 235], наконец – после конечного разгрома Авесалома – «боюся» [2 с. 238]. Деградация от «горд есмь» до «боюся» наглядно служит памфлетному поношению противника русского царя: в такой перспективе хромота льва, помимо напоминания о полтавской ране, маркирует достойное смеха (на тогдашний взгляд) физическое уродство и, возможно, дьявольскую природу, кроме того, насмешка над побежденными – традиционный компонент римского триумфа.

При использовании политического ключа некоторое недоумение вызывает только царь Саул, который персонифицирует в «Божием уничижении» зависть «от многих чуждых стран о преславной победе нынешней». Действительно, если «гордыня» – смертный грех, извечный атрибут дьявола – привычно определяет врага в рамках христианской традиции, то выбор «зависти» требует пояснений.

Отнюдь не окказиональную импровизацию, а продуманную стратегию позволяет здесь усмотреть другой источник – «Слово похвальное о баталии Полтавской», торжественная проповедь, произнесенная знаменитым апологетом царя Петра Феофаном Прокоповичем в восьмую годовщину Полтавской победы (1717) и тогда же напечатанная отдельной брошюрой в Санкт-Петербурге.

Вслед за автором академической пьесы концептуализируя значение Полтавской победы, Феофан Прокопович представляет своего рода трактат о зависти. Он вначале увязывает зависть, пока этическую категорию, с базовым грехом – гордыней: «Родится всяка зависть от гордыни, егда человек не весело зрит другаго себе или сравняема, или и предъуспевающа» [4 с. 50]. Дальнейшее развитие мысли придает «зависти» уже историософский смысл. «Зависть»,

напоминает проповедник, испытывают к «ближним»: «Однако же гордыня не родит зависти к дальним, но к ближним: к ближним, глаголю, или по чину гражданскому, или по делу воинскому, купеческому, художескому, или по крови и племени, или по державе верховной и протчая» [4 с. 50]. В данном случае «ближние» – соседи России. Первоначально эти державы презирали Россию за ее непросвещенность: «Но соседи наши не могут извиниться от гордости, осуетившиися бо высокоумием своим, яко народи суть мнимый себе сильнии и умнии, народ наш, яко немощный и грубый, презирали» [4 с. 51]. Потом начинают опасаться и прилагать усилия, чтобы Россия оставалась непросвещенной (следуют подтверждающие примеры из времен шведского короля Густава I, цитаты из сочинений дипломата С. Герберштейна и теоретика права С. Пуффендорфа) [4 с. 52].

Кульминация соседской вражды приходится на годы правления Петра I: «ближние» и прежде всего шведы осознали несравнимый рост «силы и славы» России, умножаемых просвещением:

Что ж тут скажем? От рода завистником было видети еще в России многия недостатки к силе совершенной. То не крайняя ли възьарися в них зависть, егда увидели все то, чего не желали, исполненно! Возрасте в совершенный возраст сила и слава российская дивным во всем и еще первым таковым своим монархом, богомвенчанным Петром. Увидели противницы обученное добре наше воинство; увидели всецело устроенную артилерию; увидели поднесенныя флота нечаянное флаки <...> Что се есть? (помыслила в себе зависть). Туды пошла Россия, таков успех ея? Сего мы на ней дождалися? Не тако: исторгнути оной щастие сие или самим нам погибути, а смотрети на сие невозможно [4 с. 52].

В качестве доказательства Феофан Проповедник упоминает знаменательный исторический эпизод:

Если се кто назовет умствование наше риторское и если то не в самой вещи было, то, молю, которая могла быть причина оной рижской укоризне и гонению смертному на Петра, монарха нашего, умышленному чрез Далберда коменданта? Тем ли не згибель свою заслужил у них державный сей путник, что в Голандию и инные далекие земли странствовать изволил! Тем воистинну у зависти заслужил. Видели господа шведы, колико прибудет искусства от тоя дороги монарху, с природы быстроумному, того ради умыслили восприятый ему путь запяты или еще не совершенно обучившагося к войне себе угоднейше раздражити [4 с. 52–53].

Феофан Прокопович подразумевает события марта 1697 г.: царь Петр, под именем Петра Михайлова присоединившийся к «великому посольству», прибыл в Ригу, и там генерал-губернатор граф Дальберг не разрешил ему осмотреть крепость, учинив, по мнению «державного путника», «многие грубости», «обиды» и «афронт», что подробно описано дипломатом П.П. Шафировым в сочинении, излагавшем официальную версию причин Северной войны [5 с. 24–29]. Трудно сказать, испытал царь чувство обиды или нет, но когда понадобилось найти формальный предлог для войны со Швецией – войны, по позднему признанию царя Петра, «наступательной» [3 с. 82] – было указано именно на личную обиду, нанесенную шведами русскому царю: за «обиды, наипаче за самое главное безчестие, учиненное нашим царского величества великим и полномочным послам в Риге в прошлом 1697 г.» [6 с. 60].

Сводя «обиду» к «зависти», проповедник демонстрирует, что от «зависти» шведы затеяли и последнюю войну: «И се видим и зависть, се и войну, от зависти зажженную» [4 с. 53]. Войну, для шведов гибельную, а для России славную. Потому, переходя к центральному эпизоду проповеди – Полтавской баталии, Феофан снова называет обе враждебные силы – «зависть» с «гордостью»: «Мы же, россиястии народи, что достойно воздамы тако нам благодетельному Господу? Как бо неописанная сия победа, кто не видит! Зависть и гордость воевала с нами, а коликая гордость и зависть, предложили уже мы, аще и не равным словом» [4 с. 57].

Итак, для Феофана Прокоповича этическая категория «зависть» трансформировалась в историософскую, обозначая и объясняя политические отношения России с европейскими державами. Сходным образом, для автора пьесы «Божие уничижение» «зависть» – выражение внешнеполитического послания петровской пропаганды: после Полтавы российская дипломатия сталкивается с различными трудностями, потому что Европа «завидует», но Россия, несмотря на грандиозные победы, требует от соседей не покорности, а уважения и достойного места в «европейском концерте». Остается добавить, что когда в 1730-х гг. А.Д. Кантемир назвал II сатиру «На зависть и гордость дворян злонравных», он, даже придавая двум этим идеологемам – «зависть и гордость» – новое содержание, одновременно актуализировал политический тезаурус петровской эпохи. Иначе говоря, слова «зависть» и «гордость», казалось бы, свойственные «повседневности», в первой трети XVIII в. скорее сигнализируют об официальном дискурсе.

Литература

1. *Одесский М.П.* Поэтика русской драмы: Последняя треть XVII – первая треть XVIII в. М.: РГГУ, 2004. 397 с.
2. Пьесы школьных театров Москвы / Ред. А.С. Демин. М.: Наука, 1974. 584 с.
3. История Свейской войны: (Поденная записка Петра Великого) / Сост. Т.С. Майкова: В 2 вып. Вып. 1. М.: Кругъ, 2004. 632 с.
4. *Феофан Прокопович.* Сочинения / Под ред. И.П. Еремина. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1961. 502 с.
5. *Шафиров П.П.* Разсуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый, царь и повелитель Всероссийский, и протчая, и протчая, к начатию войны против короля Карола 12 Шведского 1700 году имел. СПб., 1717. 128 с.
6. *Павленко Н.И.* Петр I: К изучению социально-политических взглядов // Россия в период реформ Петра I / Отв. ред. Н.И. Павленко. М.: Наука, 1973. С. 40–102.

References

1. Odesskii MP. Poetics of the Russian Drama; 17th – the first third of the 18th century. M.: RGGU Publ.; 2004. 397 p. (In Russ.)
2. Demin AS. The Schooldramas of Moscow Theatres. Moscow: Nauka Publ.; 1974. 584 p. (In Russ.)
3. History of the Swedish War (Daily records of Peter the Great). Vol. 1. Majkov TS, comp. Moscow: Krug Publ.; 2004. 632 p. (In Russ.)
4. Feofan Prokopovich. Works. Moscow: Leningrad: Academia of Sciences of SSSR Publ.; 1961. 502 p. (In Russ.)
5. Shafirov PP. Discourse on Causes of War against Charles XIII of Sweden. Sankt-Peterburg, 1717. 128 p. (In Russ.)
6. Pavlenko NI. Peter I; On Studies of sociopolitical views. V: Pavlenko NI., ed. *Russia during Peter the Great's Reforms*. Moscow: Nauka Publ.; 1973. p. 40-102. (In Russ.)

Информация об авторе

Михаил П. Одесский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; Россия, Москва, 125993, Миусская пл., д. 6; modessky@mail.ru

Information about the author

Mikhail P. Odesskii, Dr. in Philology, professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia; modessky@mail.ru